Научная статья
УДК 332.12
https://doi.org/10.17586/2713-1874-2025-4-4-16

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Руслан Юрьевич Мурашов[1]✉, Елена Растиславна Метелева[2]

[1,2]Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[1]murashov-ruslan@mail.ru✉
[2]MetelevaER@bgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9103-9247
Язык статьи – русский

Аннотация: Современное социально-экономическое развитие территорий России характеризуется устойчивой пространственной неравномерностью, проявляющейся в нарастающих диспропорциях между индустриальными центрами и периферийными зонами. Цель исследования – оценить пространственную неравномерность социально-экономического развития муниципальных образований Иркутской области за период 2014–2024 гг., выявить динамику и ключевые факторы территориальной дифференциации. В качестве материалов исследования использованы данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства труда и занятости Иркутской области в разрезе муниципальных образований. Применена методика, основанная на определении стадий дифференциации (дифференциация, асимметрия, поляризация), с оценкой вклада каждой территории по отдельным показателям. Представлен анализ динамики изменения неравномерности, выявлены территории с нарастающими диспропорциями. Продемонстрировано, что, несмотря на предпринимаемые меры региональной политики, сохраняется тенденция к усилению контрастов между индустриальными центрами и периферийными территориями. Сформулирована необходимость дифференцированного подхода к управлению развитием территорий с учетом их специфики. В качестве направлений дальнейших исследований предложено изучение эффективности инструментов региональной политики и разработка моделей смягчения пространственных диспропорций.

Ключевые слова: пространственная неравномерность, региональная политика, социально-экономическое развитие, стадии дифференциации

Ссылка для цитирования: Мурашов Р. Ю., Метелева Е. Р. Оценка пространственной неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований Иркутской области // Экономика. Право. Инновации. – 2025. – Т. 13.– № 4.– С. 4–16. – https://doi.org/10.17586/2713-1874-2025-4-4-16

ASSESSMENT OF SPATIAL UNEVENNESS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES OF THE IRKUTSK REGION

Ruslan Yu. Murashov[1]✉, Elena R. Meteleva[2]

[1,2]Baikal State University, Irkutsk, Russia
[1]murashov-ruslan@mail.ru✉
[2]MetelevaER@bgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9103-9247
Article in Russian

Abstract: The modern socio-economic development of Russia's territories is characterized by persistent spatial disparities, manifested in growing imbalances between industrial centers and peripheral areas. The aim of this study is to assess the spatial unevenness of socio-economic development across municipalities in the Irkutsk region for the period 2014–2024 and to identify the dynamics and key factors driving territorial differentiation. The research materials include data from the Federal State Statistics Service and the Ministry of Labor and Employment of the Irkutsk Region, disaggregated by municipalities. A methodology based on determining stages of differentiation (differentiation, asymmetry, polarization) was applied, assessing the contribution of each territory according to specific indicators. An analysis of the dynamics of unevenness is presented, and territories with increasing disparities are identified. It is demonstrated that, despite measures taken within regional policy, the trend toward intensifying contrasts between industrial centers and peripheral territories persists. The necessity of a differentiated approach to territorial development management,

considering their specific characteristics, is substantiated. Further research directions include studying the effectiveness of regional policy instruments and developing models to mitigate spatial disparities.

Keywords: spatial unevenness, regional policy, socio-economic development, differentiation stages

For citation: Murashov R. Yu., Meteleva E. R. Assessment of Spatial Unevenness of Socio-Economic Development of Municipalities of The Irkutsk Region. *Ekonomika. Pravo. Innovacii*. 2025. Vol. 13. No. 4. pp. 4–16. (In Russ.). https://doi.org/10.17586/2713-1874-2025-4-4-16

Введение. Современное социально-экономическое развитие регионов России представляет собой сложный и многоаспектных процесс, который характеризуется значительной пространственной неравномерностью. Эта неравномерность проявляется в различиях уровней жизни населения, состояния инфраструктуры, доступности ресурсов и возможностей для экономического роста между отдельными территориями внутри региона. Усиление неоднородности социально-экономического развития территорий не позволяет раскрыть весь производственный потенциал, сокращает уровень инвестиционной активности, может привести к нарастанию нестабильности в обществе. Пространственные диспропорции становятся особенно заметными в условиях глобализации, урбанизации и усиления конкуренции за инвестиции, что требует более детального анализа их причин и последствий.

Проблема пространственной неравномерности социально-экономического развития становится все более актуальной в контексте современных вызовов, таких как демографические изменения, миграционные процессы, экологические риски и санкционные ограничения. Неравномерное распределение ресурсов и возможностей может привести к усилению социальной напряженности, снижению качества жизни населения и утрате конкурентоспособности отдельных территорий.

Исследователи часто определяют социально-экономическую дифференциацию как неравномерность в развитии регионов, однако более актуальными являются различия в развитии муниципальных образований внутри региона. Как отмечает Л. А. Безруков, проблема заключается в увеличивающемся разрыве уровней развития центров и периферий, особенно на постсоветском этапе [1, С. 4]. Неравномерность в социально-экономическом развитии территорий является следствием различной концентрации экономических ресурсов и потенциала на соответствующей территории. В связи с чем В. Н. Лексин подчеркивает, что показатели социально-экономического развития региональных столиц статистически сильно завышают уровень дифференциации в регионе [2, С. 84]. Это говорит о том, что наиболее актуально стоит вопрос о неравномерности развития внутри региона между экономическим центром и экономической периферией. В этих условиях обеспечение сбалансированного развития региона становится одной из приоритетных задач государственной региональной политики.

Описание исследовательской проблемы. Цель данной статьи – оценка текущего состояния пространственной неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований Иркутской области, а также сравнение результатов с данными прошлых периодов для определения тенденций. Проведение ранжирования степени неравномерности позволит определить территории и факторы социально-экономического развития, которые оказывают значительное влияние на существующие диспропорции.

Анализ Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года дает основания полагать, что основным приоритетом пространственного развития являлось снижение уровня социально-экономической дифференциации территорий. В данной Стратегии акцент сделан на развитие и социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста [3]. В актуальной Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года акцент пространственных приоритетов смещен на систему опорных населенных пунктов, т. е. на уже более развитые территории, которые обеспечат развитие прилегающих районов [4]. Однако это не говорит о том, что пространственная дифференциация

более не является проблемой в государственной социально-экономической политике.

Пространственную неравномерность можно интерпретировать через призму множества факторов, формирующих социально-экономический ландшафт региона. С экономической точки зрения, она проявляется в диспропорциях в объемах производства, уровне инвестиционной активности, структуре занятости и наличии инфраструктуры. Социальный аспект неравномерности связан с доступностью базовых услуг – образования, здравоохранения, транспорта, а также с уровнем доходов населения. С пространственной точки зрения эти различия зависимы от географического положения и наличия ресурсов. Природно-климатические условия, сырьевая база, отличия в отраслевом профиле экономики, представляют собой сложный комплекс условий пространственной неравномерности [5, С. 1346].

Литературный обзор. С развитием теории экономического роста изменяется представление о пространственном развитии экономики регионов [6, С. 42]. Исследователи стремятся выявить закономерности, механизмы и факторы, формирующие территориальные различия, а также оценить их влияние на устойчивость региональных систем. Основы для понимания пространственной организации экономической деятельности заложены Иоганном Генрихом фон Тюненом. Он определил влияние удаленности производства от рынка на формирование стоимости продукции и структуру сельскохозяйственных зон, тем самым создал модель «изолированного государства», где ключевым элементом в разграничении экономических систем является рынок сбыта [7]. Вильгельм Лаунхардт развил данный подход к оптимизации размещения предприятий, предложив решение «задачи трех точек», учитывающей баланс между сырьевыми источниками, производством и рынками сбыта [8, С. 311]. Дополнил существующие модели Альфред Вебер, который систематизировал факторы промышленной локализации, выделив транспортные издержки, стоимость рабочей силы и эффекты агломерации в качестве ключевых детерминант пространственного развития [8, С. 312]. Данные модели стали методологической основой для последующих исследований пространственной дифференциации, включая современные модели региональной экономики.

Теории Вальтера Кристаллера, Августа Леша и Уильяма Алонсо существенно углубили понимание механизмов формирования пространственной дифференциации [9]. Кристаллер, разработав концепцию иерархии центральных мест, выявил закономерности концентрации услуг и ресурсов в узловых точках, что объясняет усиление неравномерности между ядрами развития и периферией. Леш, интегрировав факторы ценообразования, транспортных издержек и спроса, продемонстрировал, как рыночные силы формируют зоны экономического доминирования и депрессии, усугубляя территориальные диспропорции. Алонсо дополнил эти идеи анализом конкуренции за землю в урбанизированных пространствах, показав, как дифференциация цен на ресурсы и локализация видов деятельности усиливают поляризацию развития.

Проблема пространственной неравномерности социально-экономического развития получила значительное развитие в работах Пола Кругмана, внесшего значительный вклад в создание новой экономической географии. Кругман акцентировал внимание на том, что пространственное распределение экономической активности является не случайным, а формируется под влиянием таких факторов, как эффект масштаба, транспортные издержки и мобильность факторов производства [10, С. 487]. Он разработал модели, объясняющие, почему экономическая деятельность имеет тенденцию концентрироваться в определенных регионах, создавая ядра роста, в то время как другие территории остаются на периферии. Эти модели помогают понять механизмы усиления территориальных диспропорций и их устойчивость во времени. Кругман также подчеркнул роль агломерирования – процесса сосредоточения производства, капитала и населения в ограниченных географических зонах – как ключевого фактора, способствующего повышению эффективности экономики за счет снижения издержек и роста производительности [10, С. 485]. Однако такая концентрация приводит к увеличению неравенства между регионами, поскольку периферийные территории оказы-

ваются менее конкурентоспособными для привлечения инвестиций и человеческого капитала.

Рассмотренные концепции подчеркивают сложность и многомерность процессов пространственной неравномерности, однако их практическое применение требует перехода к количественным методам оценки. Эмпирическое измерение социально-экономической неравномерности становится ключевым этапом выявления конкретных дисбалансов и разработки адресных мер региональной политики. При этом выбор методики анализа должен учитывать как специфику территорий, так и цели исследования, поскольку от корректности инструментария зависят достоверность выводов и эффективность последующих управленческих решений.

В современной практике существует множество методик оценки социально-экономического развития территорий, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения. Например, комплексные подходы, основанные на анализе широкого спектра показателей, таких как валовый региональный продукт на душу населения, уровень безработицы и инвестиций в основной капитал. Однако их главный недостаток – трудоемкость сбора и обработки данных. В то же время модифицированные методики, предлагаемые исследователями, сокращают количество показателей, что упрощает расчеты, но может снизить точность оценки из-за исключения важных факторов.

Анализ существующих методик оценки неравномерности социально-экономического развития территорий выявляет ряд существенных ограничений. Во-первых, подходы, основанные на экстремальных значениях, искажают реальную картину дифференциации. Это происходит потому, что они игнорируют основную массу данных, фокусируясь лишь на крайних точках распределения, и не позволяют оценить положение большинства территорий относительно друг друга. Во-вторых, распространенные рейтинговые методы, хотя и обеспечивают ранжирование регионов, часто не дают четкого представления о количественной величине различий между ними. Сравнивая лишь относительные позиции, они не измеряют фактическую дистанцию в уровне развития, что затрудняет определение конкретных стадий или фаз неравномерности.

Материалы и методы исследования. Для анализа пространственной дифференциации Иркутской области была использована методика, основанная на идее стадийности неравномерности социально-экономического развития территорий. Авторы методики, Губанова Е. С. и Клещ В. С. определили три стадии неравномерности: дифференциация – первоначальные диспропорции, асимметрия – нарастающие диспропорции и поляризация – итоговые диспропорции [11, С. 67]. В основе методики лежит анализ показателей социально-экономического развития территорий. Социальный блок включает семь показателей: численность населения, среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, уровень безработицы, обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом, обеспеченность детей местами в дошкольных образовательных учреждениях, оборот розничной торговли, объем платных услуг населению. Экономический блок охватывает шесть показателей: объем промышленного производства, объем продукции сельского хозяйства, ввод в действие жилых домов, объем инвестиций в основной капитал, количество организаций и индивидуальных предпринимателей, текущие затраты на охрану окружающей среды [12, С. 33]. Анализ показателей проходит в несколько этапов. Эталонные значения рассчитываются как средние по региону, после чего определяются отклонения показателей от этих стандартов. На основе отклонений вычисляется интегральный показатель неравномерности для каждого муниципального образования, соотносимый со шкалой стадий. Отдельно вычисляется степень влияния каждой территории на формирование существующих диспропорций в разрезе каждого показателя. Методика позволяет выявить территории, которые оказывают большое влияние на пространственную неравномерность, определить депрессивные зоны, а также факторы, усиливающие дисбалансы.

Информационной базой исследования являются данные Федеральной службы государственной статистики в разрезе муниципальных образований Иркутской области за 2014, 2019 и 2024 годы [13]. Уровень зареги-

стрированной безработицы по муниципальным образованиям публикуется на интерактивном портале Министерства труда и занятости Иркутской области [14]. При проведении анализа данные по г. Иркутск были исключены, в связи с существенным превосходством города над остальными территориями по многим показателям, что сильно влияет на статистику, учитывающую отклонения. Шкала неравномерности в работе была адаптирована: смещена с сохранением пропорционального коэффициента распределения между степенями. Это необходимо для получения понятной картины, где территории распределены по степеням дифференциации и можно проследить изменение результатов в динамике. Степень дифференциации соответствует территориям со значениями до 0,5 включительно, асимметрия – от 0,5 до 1 включительно, а поляризация – свыше 1.

Результаты исследования. За период с 2014 по 2024 годы наблюдается устойчивая тенденция сокращения числа территорий на стадии дифференциации с 12 до 5, что указывает на уменьшение зон с умеренными различиями. Однако рост количества территорий в стадии асимметрии с 23 до 28 и поляризации с 6 до 8 свидетельствует об усилении социально-экономических дисбалансов (рисунок 1). Усиление поляризации к 2024 году, особенно на фоне стабильного роста асимметрии, подчеркивает углубление разрывов между развитыми и депрессивными территориями. Усиление межмуниципальных контрастов в Иркутской области связано с комплексом структурных факторов, включая дисбаланс между экспортноориентированными и внутренними секторами экономики, величину транспортных издержек, а также углубление разрыва между сформированными индустриальными центрами и периферией. Несмотря на декларируемые цели региональной политики современные тенденции приводят к усилению уровня дифференциации.

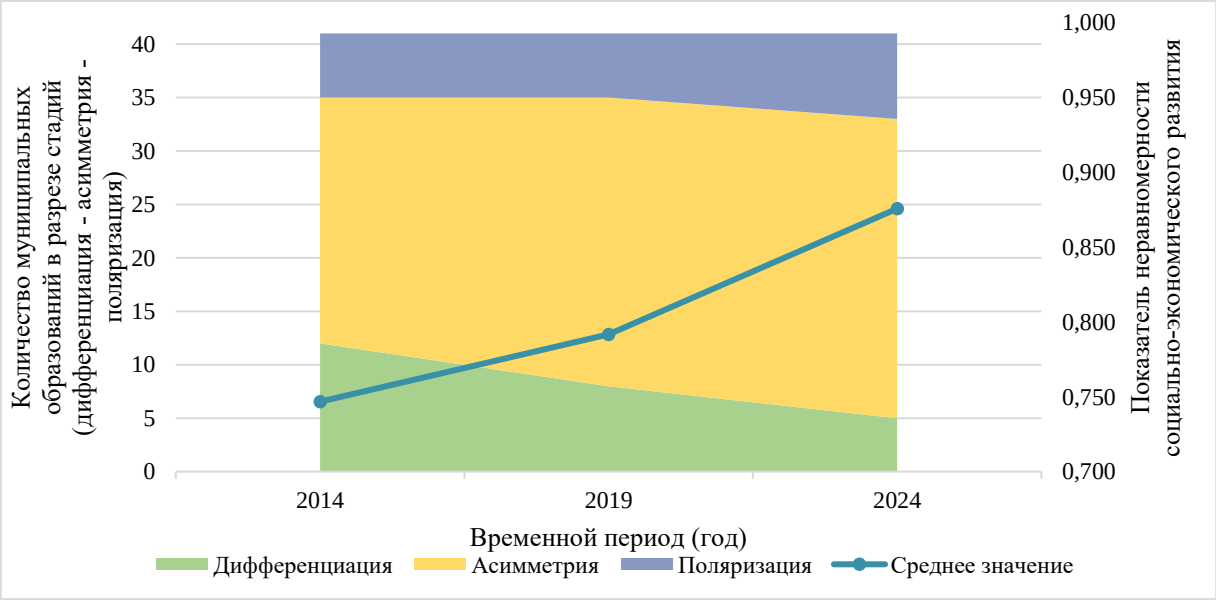

Рисунок 1 – Показатель неравномерности социально-экономического развития территорий

Источник: составлено авторами [13, 14]

За анализируемый период, в соответствии с таблицей 1, изменились позиции городов Зима, Тулун, Усть-Илимск и Саянск. Только в одном случае произошел переход на более низкую степень неравномерности, из асимметрии в дифференциацию, в г. Саянск. В остальных случаях уровень неравномерности увеличился. Усиление степени неравномерности характерно для Бодайбинского, Жигаловского, Заларинского, Слюдянского, Усольского, Чунского, Боханского и Осинского районов. Обратный процесс наблюдается в Нижнеилимском районе, что связано со значительным кризисом на градообразующем предприятии г. Железногорск-Илимский. В 2014 году район был в лидерах по объему промышленного производства, в 2024 году этот показатель в районе ниже среднего.

Таблица 1

Сравнение показателей неравномерности социально-экономического развития территорий по годам (2014–2024 гг.) в разрезе муниципальных образований Иркутской области

Источник: составлено авторами

Муниципальное образование	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2014 г.	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2019 г.	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2024 г.
Ангарский городской округ	3,367	2,664	2,551
город Братск	3,173	3,312	2,739
Зиминское	0,480	0,520	0,571
город Саянск	0,536	0,557	0,497
город Тулун	0,444	0,443	0,542
город Усолье-Сибирское	0,718	0,697	0,676
город Усть-Илимск	0,719	0,700	1,033
город Черемхово	0,406	0,399	0,462
город Свирск	0,610	0,641	0,718
Балаганский муниципальный район	0,651	0,634	0,703
Бодайбинский муниципальный район	0,469	0,633	0,793
Братский муниципальный район	0,386	0,333	0,437
Жигаловский муниципальный район	0,574	0,540	1,125
Заларинский муниципальный район	0,437	0,494	0,515
Зиминский муниципальный район	0,565	0,616	0,679
Иркутский муниципальный район	1,595	3,005	3,768
Казачинско-Ленский муниципальный район	0,600	0,601	0,635
Катангский муниципальный район	1,734	1,508	1,219
Качугский муниципальный район	0,546	0,561	0,654
Киренский муниципальный район	0,622	0,548	0,742

Муниципальное образование	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2014 г.	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2019 г.	Показатель неравномерности социально-экономического развития территории в 2024 г.
Куйтунский муниципальный район	0,529	0,566	0,618
Мамско-Чуйский муниципальный район	0,777	0,921	0,836
Нижнеилимский муниципальный район	1,117	1,038	0,696
Нижнеудинский муниципальный район	0,424	0,460	0,387
Ольхонский муниципальный район	0,558	0,584	0,714
Слюдянский муниципальный район	0,312	0,366	0,556
Тайшетский муниципальный район	0,404	0,443	0,396
Тулунский муниципальный район	0,630	0,618	0,644
Усольский муниципальный район	0,802	0,908	1,029
Усть-Илимский муниципальный район	0,539	0,566	0,692
Усть-Кутский муниципальный район	1,081	1,555	2,539
Усть-Удинский муниципальный район	0,627	0,618	0,699
Черемховский муниципальный район	0,670	0,695	0,750
Чунский муниципальный район	0,481	0,508	0,607
Шелеховский муниципальный район	0,620	0,642	0,857
Аларский муниципальный район	0,596	0,618	0,627
Баяндаевский муниципальный район	0,567	0,626	0,691
Боханский муниципальный район	0,499	0,529	0,574
Нукутский муниципальный район	0,511	0,563	0,622
Осинский муниципальный район	0,456	0,536	0,650
Эхирит-Булагатский муниципальный район	0,534	0,487	0,540

Пространственный анализ результатов исследования позволяет обозначить, что наибольшие отклонения в социально-экономическом развитии сконцентрированы в северных территориях, включая индустриальные центры, а также в районах, приближенных к Иркутской агломерации. В то же время территории Тайшето-Тулунской опорной территории развития демонстрируют относительно сбалансированные результаты, оставаясь в рамках стадии дифференциации и асимметрии. Данный контраст подчеркивает влияние структурных факторов на региональное развитие, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к региональному управлению, учитывающему специфику каждой территориальной группы.

Результаты исследования подчеркивают формирование территориальных групп с различными траекториями развития. Индустриальные центры (Ангарск, Братск, Усть-Илимск) сохраняют высокие, но снижающиеся для первых двух значения неравномерности. Добывающие периферийные районы демонстрируют рост зависимости от точечных инвестиций и сырьевой специализации, что усиливает поляризацию в регионе. Противовес им составляют территории с умеренной динамикой, стабильность показателей которых связана с ограниченным влиянием внешних экономических факторов.

Значительный рост показателя неравномерности за 10 лет демонстрируют ресурсодобывающие районы – Бодайбинский, Жигаловский и Усть-Кутский, что связано с концентрацией инвестиций в добывающие отрасли при слабом развитии инфраструктуры и социальной сферы за данный период. Например, в Усть-Кутском районе показатель вырос с 1,08 до 2,54, отражая усиление поляризации из-за зависимости от узкоспециализированной экономики. Важно отметить, что ресурсодобывающие районы, несмотря на неблагоприятное экономико-географическое положение, демонстрируют способность привлекать крупные инвестиции на короткой дистанции за счет высокого уровня доходности сырьевого сектора. Однако эта инвестиционная активность, как правило, носит точечный характер и не приводит к комплексному развитию территорий, оставляя без решения проблемы социальной инфраструктуры и диверсификации экономики.

К территориям, которые показывают резкий скачок показателя неравномерности с 1,59 до 3,76, также относится Иркутский район. Активные субурбанизационные процессы в Иркутском районе проявляются вследствие устойчивого миграционного потока, как отмечают исследователи, особенно в ближних пригородах Иркутска, активно растет численность населения [15, С. 12]. Это способствует развитию инфраструктуры в прилегающих территориях. Параллельно наблюдается рост экономической активности, включая расширение сельскохозяйственного сектора, который играет ключевую роль в обеспечении продовольствием Иркутской агломерации.

Анализ динамики влияния отдельных показателей на пространственную неравномерность в целом показал, что по численности населения лидировали крупнейшие города: Ангарск – 37,8% в 2014 г. и 33,8% в 2024 г. и Братск – 36,7% и 30,7% соответственно. Их доли несколько снизились за десятилетие, тогда как доля Иркутского района выросла с 3,4% до 15,3% в 2024 г. В целом, влияние численности населения на неравномерность немного ослабло, пиковые значения стали менее экстремальными. Это объясняется ростом пригородов вокруг региональной столицы, что уменьшает диспропорции несмотря на отток населения из крупнейших городов.

По средней заработной плате наиболее крупный вклад в неравномерность вносил Катангский район (30,3%), однако к 2024 г. доля упала до 17,5%. Ведущим стал Бодайбинский район с небольшим ростом за 10 лет с 24,6% до 25,2%. Влияние зарплатного фактора на территориальные диспропорции снизилось. Тем не менее, ресурсодобывающие отрасли по-прежнему оказывают сильнейшее влияние на эти малонаселенные северные территории, что может способствовать усилению неравномерности.

По уровню безработицы лидером в 2014 г. был Тулунский район (16,1%), а вторым – Катангский (15,1%), однако к 2024 г. самые большие доли имеют Киренский (26,8%) и Мамско-Чуйский (7,5%) районы. Между 2014 и 2019 гг. вклад показателя сильно колебался,

максимум 46% по Мамско-Чуйскому району. К 2024 г. распределение стало более равномерным. В целом, вклад показателя безработицы в региональную неравномерность ослаб, т. е. происходит снижение концентрации вследствие улучшения ситуации с занятостью в наиболее проблемных сельских территориях и эффекта «разглаживания» сезонных колебаний.

По обеспеченности населения врачами и медперсоналом в 2014 г. наибольший вклад вносили Зиминский район (11,9%) и г. Саянск (10,5%). К 2024 г. лидеры изменились: на первом месте – Саянск (18,8%), на втором – Мамско-Чуйский район (16,3%). То есть доля Саянска выросла почти вдвое, Мамско-Чуйского – более чем в два раза. Влияние данного показателя на общую неравномерность осталось приблизительно на уровне начала периода за счет роста доли некоторых отдаленных районов, который скомпенсировал снижение показателей многих лидеров. Рост долей отдельных муниципалитетов связан с политикой распределения врачей в рамках федеральных программ поддержки здравоохранения в сельской местности, благодаря которым малонаселенные районы получили больше медицинского персонала, что выравнивает территории по данному показателю.

По показателю обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях вклад в пространственную неравномерность демонстрирует устойчивую динамику. В 2014 г. наибольшее влияние оказывали Нижнеудинский район (15,6%), Казачинско-Ленский (13,7%) и Чунский (13%), что указывает на высокую нагрузку на дошкольную инфраструктуру. К 2024 г. лидирующие позиции сместились, в числе муниципалитетов с наибольшим вкладом в неравномерность оказались Казачинско-Ленский район (13,7%), Шелеховский (13%) и Слюдянский (11,1%). В целом, можно обозначить, что по данному показателю диспропорции в регионе незначительны.

По обороту розничной торговли лидерство традиционно удерживает Ангарск, несмотря на то что его доля значительно упала с 65,7% до 46,1% за 10 лет. Заметно увеличилась доля Братска (до 34,8 %, в то время как влияние более отдаленных территорий осталось минимальным. Это говорит об ослаблении влияния на неравномерность данного показателя. Часть потребительской активности перетекла в Братск и другие центры, общее развитие розничного рынка стало более равномерным.

По объему платных услуг населению к 2024 г. Братск (35,5%) вышел на приблизительно равные доли влияния с прежним лидером – г. Ангарск (33,5%). При этом доля Иркутского района увеличилась с (5,4%) до (11,4%), что отражает рост сервисной деятельности. В целом можно отметить, что эти данные коррелируются как с численностью населения, так и с оборотом розничной торговли. За анализируемый период влияние данного показателя на пространственную неравномерность немного усилилось.

По промышленному производству ситуация изменилась значительно: если в 2014 г. наибольший вклад осуществляли г. Братск (54,4%) и Катангский район (16,4%), то к 2024 г. существенный перевес за Усть-Кутским районом (37,2%), Катангский район имеет 20,5%, а г. Братск – 17,3 %. Таким образом, влияние показателя на пространственную неравномерность в целом заметно уменьшилось, хотя и остается на довольно высоком уровне за счет концентрации производства в индустриальных центрах. Стоит отметить существенный рост позиции Усть-Кутского района, что еще раз доказывает, что добывающая промышленность способна сформировать мощный импульс для экономического развития территории. Инвестиции в объекты промышленного производства, в основном со стороны Иркутской нефтяной компании в Усть-Куте, становятся фактором, существенно изменяющим экономические диспропорции в регионе. Как отмечают в Восточном центре государственного планирования, экономический потенциал территории способствует комплексному развитию города, включая социальную сферу [16].

По объемам сельскохозяйственного производства Усольский район стабильно занимает ключевые позиции. Его влияние на формирование неравномерности к 2024 г. составила 69,7%, тогда как в 2014 г. – 60,9%. Примечательно, что по данному показателю в динамике усиливается неравномерность за счет концентрации аграрного производства в одном районе. В рамках новой экономической

географии обычно локализуется именно промышленное производство, но в данном случае наблюдается иное. Однако это объясняется внутрирегиональной миграцией и концентрацией населения в Иркутской агломерации, которая имеет благоприятное экономико-географическое положение относительно Усольского района. За счет роста спроса на сельскохозяйственную продукцию развивается и данная отрасль в конкретном районе, которая обеспечивает предложение товаров.

Влияние показателя по введенному жилью стремительно усилилось. В 2014 г. Иркутский района лидировал с долей 65,6%, к 2024 г. его вклад вырос до 96,3%, что свидетельствует о значительном усилении влияния данного показателя на социально-экономическую неравномерность. В частности, это подтверждается тем, что доля влияния снижается в муниципалитетах-лидерах – Ангарск и Черемхово, а также в Шелеховском районе. Концентрация населения в пригородах г. Иркутск обусловливает взрывной рост спроса на жилье. В современных условиях общественные блага, сконцентрированные в крупных городах, привлекают население, за ним притягивается экономическая активность, инновации и инвестиции. Таким образом, можно обозначить, что данный показатель в интегральных показателях сильнее остальных влияет на оценку социально-экономической неравномерности.

По показателю инвестиций в основной капитал организаций наблюдается картина, схожая с показателем объемов промышленного производства. В 2014 г. наибольшую долю имел Катангский район (35,8%), в 2019 – г. Братск (41,5%), в свою очередь к 2024 г. влияние Усть-Кутского района составило 86,7%. Бурный рост инвестиций в этот район, в основном благодаря наличию ресурсов и присутствию на территории добывающих компаний, приводит к ситуации, в которой огромное влияние на неравномерность имеет достаточно немногочисленная по населению территория. Однако говорить об инвестициях преимущественно в добывающую отрасль преждевременно. Значительная часть вложений связана со строительством Иркутского завода полимеров, что направлено на развитие именно обрабатывающей промышленности. Отдельно стоит отметить факт формирования вертикально интегрированного производства, связанного как с добычей сырья, так и с обработкой и производством готовой продукции, в рамках единого кластера. Данный процесс позволяет снизить логистические, трансакционные издержки и способствует повышению добавленной стоимости продукции, что благоприятно сказывается на экономическом положении. Влияние данного показателя на региональную неравномерность существенно увеличилось, однако из-за концентрации крупных инвестиционных проектов в отдельных локациях картина может изменяться каждый год.

По количеству организаций и предпринимателей в 2014–2019 гг. неизменно лидировали крупнейшие, за исключением Иркутска, города области – Братск и Ангарск. К 2024 г. Иркутский район (40,6%) стал оказывать наибольшее влияние на неравномерность. В целом, по данному показателю неравномерность усиливается несущественно. Доминирование Иркутского района объясняется ростом предпринимательской активности на периферии Иркутской агломерации за счет повышения совокупного спроса. Следует отметить тенденцию сдвига деловой активности ближе к крупному городу на фоне развивающейся субурбанизации.

Существенное ослабление неравномерности демонстрируют территории по показателю текущих затрат на охрану окружающей среды. В 2014 г. Нижнеилимский район лидировал с долей влияния 59,3%, но к 2024 г. его вклад был нивелирован. Основное воздействие перераспределилось между Ангарском (23,1%) и Братском (21,7%). Снижение концентрации влияния, подтверждаемое снижением коэффициента вариации, обусловливает выравнивание территориальной структуры по данному показателю. Данный сдвиг объясняется реализацией природоохранных проектов в промышленных центрах и завершением экологических программ в Нижнеилимском районе, что привело к более равномерному распределению экологических затрат между территориями.

Выводы. Исследование имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С теоретической точки зрения оно развивает методологию оценки территориальной диф-

ференциации, показывая возможности применения стадийного подхода для анализа внутрирегиональных диспропорций. Полученные результаты обогащают эмпирическую базу новой экономической географии и теорий пространственного развития. С практической стороны работа предлагает инструменты для целевого планирования региональной политики. Анализ вклада отдельных показателей в общую неравномерность помогает определить ключевые факторы диспропорций, что важно для разработки мер по сглаживанию пространственных разрывов и повышению устойчивости региональной системы.

Анализ динамики влияния ключевых социально-экономических показателей на пространственную неравномерность в Иркутской области выявил существенные изменения в структуре диспропорций. Наиболее резкое усиление неравномерности отмечено по таким категориям, как ввод жилья и инвестиции в основной капитал организаций. Вместе с тем, по ряду индикаторов наблюдается существенное снижение неравномерности: уровень безработицы, розничный оборот, текущие экологические затраты. Таким образом, трансформация пространственной дифференциации обусловлена сочетанием отраслевых, глобализационных, трансакционных, поляризационных факторов в рамках соответствующей экономической конъюнктуры.

В результате исследования выявлена устойчивая тенденция к углублению диспропорций в социально-экономическом развитии муниципальных образований Иркутской области между индустриальными центрами, ресурсодобывающими районами и периферийными территориями. Следует обозначить, что в динамике за период с 2014 по 2024 гг. происходит рост контрастов между развитыми и депрессивными территориями, несмотря на предпринимаемые усилия по их выравниванию. Это особенно актуально в условиях усиления поляризации, вызванной концентрацией экономической активности в агломерациях, специализацией отдельных территорий на сырьевых отраслях, неравномерным развитием социальной инфраструктуры, концентрацией капиталоемких проектов в отдельных точках и миграцией населения ближе к крупным городам.

Полученные данные подтверждают необходимость дифференцированного подхода к региональной политике, учитывающего специфику территориальных групп и механизмов комплексного развития периферийных зон. Эффективные меры должны сочетать стимулирование диверсификации экономики, перераспределение бюджетных ресурсов и реализацию программ, ориентированных на локальные потребности.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований предлагается рассмотреть оценку эффективности существующих инструментов региональной политики, направленных на нивелирование пространственных диспропорций, а также разработку моделей комплексного развития депрессивных и периферийных территорий. Особое внимание следует уделить анализу взаимосвязей между концентрацией инвестиций в сырьевом секторе и устойчивостью социально-экономического развития на локальном уровне, включая оценку влияния вертикально интегрированных кластеров на процессы диверсификации экономики.

Список источников

1. Безруков Л. А., Абрамова З. В. Неравномерность развития и типология муниципальных образований Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о земле. – 2024. – Т. 49. – С. 3–28.
2. Лексин В. Н. «Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 84–93.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного

References

1. Bezrukov L. A., Abramova Z. V. Irregularity of Development and Typology of Municipal Formations in the Irkutsk Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o zemle*. 2024. Vol. 49. pp. 3–28. (In Russ.).
2. Leksin V. N. «Regional capitals» in the Economy and Social Life of Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2006. No. 7. pp. 84–93. (In Russ.).
3. Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r «On the Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian

развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25312 (дата обращения: 02.03.2025). – Текст: электронный.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=m5y23glfaf329081926 (дата обращения: 01.03.2025). – Текст: электронный.
5. Васильева Л. В., Березина Е. В. Дифференциация экономического пространства: методологические аспекты исследования // Экономика и социум. – 2018.– № 11 (54). – С. 1340–1347.
6. Дугаржапова М. А., Жалсараева Е. А. Оценка пространственной дифференциации регионов: социально-экономический, инновационный и экологический аспекты // Экономика и управление. – 2019. – № 5. – С. 41–51.
7. Тюнен И. Изолированное государство / И. Тюнен: пер. с нем.; под ред. и с предисл. проф. А. А. Рыбникова. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.
8. Мямлин А. П. Фактор пространства в экономике: историографический анализ // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 2 (46). – С. 310–315.
9. Леш А. Пространственная организация хозяйства / А. Леш: пер. с нем.; под ред. А. Г. Гранберга. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
10. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. – 1991. – – Vol. 99. – No. 3. – P. 483–499. (In Eng.).
11. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.–2017.–Т.10.–№ 1.–С. 58–75.
12. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. – 2018. – № 6 (98). – С. 30–41.
13. База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/ (дата обращения: 22.03.2025). – Текст: электронный.
14. Информация о положении на рынке труда в Иркутской области / Министерство труда и занятости Иркутской области. Официальный сайт. – URL: https://irkzan.ru/Documents/Detail/cafce61f-a495-4c0b-8e53-9c3050fd6dfd/ (дата обращения: 24.03.2025). – Текст: электронный.

Federation for the Period up to 2025». *SPS «KonsultantPlus».* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25312 (Accessed: 02.03.2025) (In Russ.).

4. Order of the Government of the Russian Federation «On the Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a forecast up to 2036». *SPS «Garant».* Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=m5y23glfaf329081926 (Accessed: 02.03.2025). (In Russ.).

5. Vasil'eva L. V., Berezina E. V. Differentiation of Economic Space: Methodological Aspects of Research. *Ekonomika i sotsium*. 2018. No. 11 (54). pp. 1340–1347. (In Russ.).
6. Dugarzhapova M. A., Zhalsaraeva E. A. Assessment of the Spatial Differentiation of Regions: Socio-economic, Innovative and Environmental aspects. *Ekonomika i upravlenie*. 2019. No. 5. pp. 41–51. (In Russ.).
7. Thünen J. H. von. The Isolated State / I. Tyunen: transl. from German; ed. by prof. A. A. Rybnikov. *M.: Ekonomicheskaya zhizn'*. 1926. 326 p. (In Russ.).

8. Myamlin A. P. The Space Factor in the Economy: Historiographical Analysis. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2013. No. 2 (46). pp. 310–315. (In Russ.).

9. Lösch A. The Spatial Organization of the Economy / A. Lesh: transl. from German; ed. by A. G. Granberg. *M.: Nauka*. 2007. 663 p. (In Russ.).
10. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. pp. 483–499.
11. Gubanova E. S., Kleshch V. S. Methodological Aspects of Analyzing the Level of Uneven Socio-Economic Development of Regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2017. Vol. 10. No. 1. pp. 58–75. (In Russ.).
12. Gubanova E. S., Kleshch V. S. Methodology for Assessing the Uneven Socio-Economic Development of a Region. *Problemy razvitiya territorii*. 2018. No. 6 (98). pp. 30–41. (In Russ.).
13. Database of Indicators of Municipal Formations. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki*. *Official website*. Available at: https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/ (Accessed: 22.03.2025) (In Russ.).

14. Information on the Labor Market Situation in the Irkutsk Region. *Ministerstvo truda i zanyatosti Irkutskoi oblasti*. *Official website.* Available at: https://irkzan.ru/Documents/Detail/cafce61f-a495-4c0b-8e53-9c3050fd6dfd/ (Accessed: 24.03.2025) (In Russ.).

15. Григорьева М. А. Социально-экономическое развитие Иркутского района как пригородной территории // Вестник Евразийской науки. – 2018. – Т. 10. – № 6. – С. 1–14.
16. Усть-Кут станет новым центром зеленой газохимии и точкой экономического роста // Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования». – URL: https://clck.ru/3MBtm6 (дата обращения: 04.05.2025). – Текст: электронный.

15. Grigor'eva M. A. Socio-Economic Development of the Irkutsk District as a Suburban Territory. *Vestnik Evraziiskoi nauki*. 2018. Vol. 10. No. 6. pp. 1–14. (In Russ.).
16. Ust-Kut Will Become a New Center of Green Gas Chemistry and a Point of Economic Growth. *Federal'noe avtonomnoe nauchnoe uchrezhdenie «Vostochnyi tsentr gosudarstvennogo planirovaniya»*. Available at: https://clck.ru/3MBtm6 (Accessed: 04.05.2025). (In Russ).

Статья поступила в редакцию 04.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 04.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 12.12.2025.